

Камилло Бойто ЧУВСТВО

(отрывок)

На следующее утро, около девяти часов, я села в карету и отправилась в расположение командования крепости. Подъем в гору казался бесконечным: я кричала Джакомо, чтобы он гнал лошадей. Пёстрая толпа запрудила площадь перед замком: там были военные всяческих родов войск, раненые, простые горожане. Тем не менее, я беспрепятственно добралась до помещения, в котором находилась приемная. Старый военный, инвалид, взял мою визитную карточку и вышел. Через несколько минут он вернулся, сказав, что генерал Гауптманн просит меня пройти в его личные апартаменты, куда тот, как только закончит неотложные дела, придет чтобы засвидетельствовать свое почтение.

Меня провели по коридорам, через крытую галерею и террасы в просторную залу, из трех больших окон которой весь город был виден как на ладони. Адидже¹, перехваченная поперек мостами, извивалась наподобие буквы S, упираясь своим первым изгибом в подножие невысокой горы, на которой располагалась крепость Кагель Сан Пьетро², а вторым – в основание коричневых зубчатых стен другой крепости. Над домами поднимались башни старых базилик, а на просторном месте виднелся грандиозный овал античной Арены³. Утреннее солнце ласкало жилища и холмы. По одну сторону оно золотило горы, а по другую изливало мягкий свет на бескрайнюю зеленую долину с разбросанными по ней белыми деревеньками, с видневшимися в них церквушками и колокольнями.

С шумом и смехом в залу влетели две девчушки с розовыми личиками и соломенно-желтыми локонами волос. Увидев меня, в первое мгновение они смущенно замерли на месте, но почти сразу осмелели и подошли ближе. Та, что была постарше, произнесла:

– Синьора, располагайтесь. Хотите, я позову маму?

– Нет, малышка, я жду твоего папу.

– Папу мы с утра еще не видели. Он очень занят.

¹ Адидже – река в Вероне.

² Кагель Сан Пьетро – замок-крепость в Вероне, построенный на вершине холма, на месте древнеримского храма. Благодаря выгодному стратегическому расположению в разные эпохи служил в качестве фортификационного сооружения. Здесь размещалась военная комендатура и казармы с командными пунктами, офицерскими помещениями, мастерскими по ремонту вооружения.

³ Арена ди Верона – античный амфитеатр в Вероне, был построен в 30 годах н.э. римским императором Тиберием для проведения гладиаторских боев, навмахий (морских сражений) и цирковых представлений.

– Я тоже хочу увидеть папу, – закричала младшая. – Папу я очень сильно люблю.

В этот момент вошел генерал. Девочки бросились ему навстречу, обхватили руками его ноги и пытались запрыгнуть ему на спину. Он взял на руки одну, поднял и поцеловал, потом другую. Обе шалуньи залились радостным смехом, и на глазах генерала выступили слезы умиления. Он повернулся ко мне:

– Простите, синьора. Если у вас есть дети, вы меня поймете. – Затем он сел напротив и произнес:– Мне знакомо имя господина графа и я был бы рад, если бы мог чем-либо услужить госпоже графине.

Я сделала знак генералу, чтобы он отослал детей, и он полным нежности голосом обратился к ним:

– Ступайте, мои хорошие, ступайте, нам нужно поговорить с синьорой.

Девочки сделали было шаг в мою сторону, как будто намереваясь меня поцеловать, но я отвернулась, и они, несколько огорченные, наконец, удалились.

– Генерал, – заговорила я, – я пришла исполнить свой долг верноподданной.

– Госпожа графиня немка?

– Нет, я трентинка⁴.

– Ах, вот как, – воскликнул генерал, глядя на меня с некоторым изумлением и нетерпением.

– Прочтите. – Я решительно протянула ему письмо Ремиджо, которое достала из кармашка вновь обретенного мной портмоне.

Прочтя, генерал спросил:

– Не понимаю... письмо адресовано вам?

– Да, генерал.

– Следовательно, тот кто пишет – ваш любовник?

Я молчала. Генерал вынул из кармана сигару и закурил, затем встал с кресла и принялся расхаживать взад и вперед по зале. Внезапно он остановился передо мной и, глядя мне прямо в глаза, произнес:

– Ну же... У меня мало времени, будьте любезны покороче.

⁴ Трентинка – жительница области Трентино-Альто-Адидже, расположенной на севере Италии, со столицей в городе Тренто.

– Это письмо написал Ремиджо Руц, лейтенант третьего гренадерского полка.

– И что с того?

– Из письма все ясно. Он притворился больным, заплатив четверем медикам. Он дезертировал с поля боя, – выпалила я, с ненавистью чеканя слова.

– Я понял. Лейтенант был вашим любовником и бросил вас. Вы желаете отомстить и хотите, чтобы его расстреляли. А заодно, чтобы вместе с ним расстреляли и медиков. Так?

– До остальных мне нет дела.

Генерал нахмурил брови и погрузился в задумчивость, потом протянул мне письмо обратно и произнес:

– Синьора, подумайте хорошенько: донос – это гнусность, а то, что вы предлагаете, – убийство.

– Господин генерал, – воскликнула я вскинув голову и с вызовом глядя на него, – исполняйте свой долг.

Около девяти часов вечера, в гостиницу Торре ди Лондра, где для меня наконец нашли свободную комнату, явился солдат, который передал мне записку. В ней было написано следующее:

«Завтра ровно в половине пятого утра во втором дворе крепости Кастель Сан Пьетро будут расстреляны лейтенант Ремиджо Руц и медик его полка. Этот документ будет служить пропуском на экзекуцию. Нижеподписавшееся лицо просит прощения у госпожи графини в том, что не может пригласить ее на зрелище расстрела остальных медиков, так как по причинам, которые не имеет смысла здесь излагать, они были отосланы в ведение другого военного совета.

Генерал Гауптманн.»

В половине четвертого ночи, сопровождаемая Джакомо, я вышла из гостиницы. У подножия холма, на котором возвышалась крепость Кастель Сан Пьетро, я приказала ему меня оставить и уже одна отправилась вверх по улице. Я ощущала жар, мне не хватало воздуха. Поднимать вуаль я не хотела, но, расстегнув верхние пуговицы платья, отвернула ворот наружу. Коснувшийся моей груди легкий ветерок облегчил мое дыхание.

В загоравшейся желтоватой заре начинали меркнуть звезды. Я проследовала за солдатами, которые обогнув замок сбоку, вошли во двор, окруженный со всех

сторон высокими и мрачными крепостными стенами. Там уже выстроились и замерли неподвижно две шеренги гренадеров. В густом полумраке никто из этого безмолвного строя солдат не обращал на меня внимания. Снизу, из города, доносились звуки колокола, смешанные с другими неясными звуками. Скрипнула низкая дверь, из нее вышли два человека со связанными за спиной руками. Один из них был худой, темноволосый. Он шагал прямо, уверенно, с высоко поднятой головой. Я узнала Ремиджо. Другой, которого по бокам с трудом держали под мышки двое солдат, рыдал и еле волочил ноги.

Не знаю, что было дальше. Наверное, зачитывали приговор. Потом послышался сильный грохот, и я увидела, как молодой брнет упал. В это мгновение я обратила внимание, что Ремиджо был до пояса раздет, и эти руки, плечи, шея, все эти части тела, которые я так любила, ослепили меня. В тот же миг в моем воображении пронесся образ моего возлюбленного. Я вспомнила, как тогда, в Венеции, в купальне Сирена, пылкий и восторженный, он в первый раз сжимал меня в своих крепких объятиях... Но вдруг новый шум сотряс меня: на эту белую как мрамор и все еще вздрагивающую грудь бросилась белокурая женщина, ее обрызгало струями крови. При виде этой мерзкой подлой женщины во мне снова вспыхнуло прежнее негодование, а вместе с негодованием вернулось достоинство и сила. Я осознавала, что была в своем праве, и направилась к выходу, испытывая гордость от выполненного тяжелого долга.

У самых ворот кто-то сдернул вуаль с моего лица. Я повернулась и увидела перед собой отвратительную рожу богемского офицера. Он вынул изо рта огромный мундштук своей трубки и, приблизившись усами к моему лицу, плюнул...

*

Я же говорила, что адвокатишка Джино вернется. Достаточно было одной строчки: «Придите, помиримся», чтобы это стремительно произошло. Он бросил эту дурочку свою невесту ровно за неделю до свадьбы. И теперь, сжимая меня в своих объятиях почти так же сильно, как некогда лейтенант Ремиджо, время от времени повторяет: «Ливия, ты ангел!».